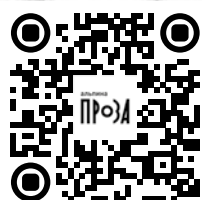

*Моему мужу Юре, ястребу,
охотнику, механикёру и кропарю*

Узнайте больше о героях книги и мире Кьертании
на лендинге

ЯНА ЛЕТТ

ПРЕПАРАТОРЫ

ГОЛОС КЪРТАНИИ

альпина

ПРОЗА

Москва, 2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
Л52

Книга создана при содействии Литературного агентства «Вимбо»

Редактор Татъяна ТИМАКОВА
Художник САША САВОЯР

Летт Я.

Л52 Препараторы. Голос Кьертани : [роман] / Яна Летт. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 750 с.

ISBN 978-5-00223-702-9

Больше семи веков назад в Кьертанию пришла Стужа, ставшая для страны и её жителей и проклятием, и благословением. Плоть снитиров — зверей, живущих во льдах, — главное условие благополучия государства и основа его экономики. Добыть снитиров могут только препараторы — люди, меняющие собственные тела ради того, чтобы уходить в край вечного холода и возвращаться назад.

Их служба почетна и опасна. Ни один из них не принадлежит себе, и выбор между личным счастьем и долгом предрешен для каждого препаратора.

Судьбы ястребов и охотников, детективов и авантюристов, наследников правящего дома сплетаются в борьбе за власть — и в сражении с силами, сковавшими жизни кьертанцев не слабее таинственных льдов.

«Препараторы. Голос Кьертани» — третья и самая масштабная книга трилогии. Загадки Стужи и личные драмы, политические интриги и путешествия в новые земли, борьба за свободу и непростые решения — в финале все силы сойдутся вместе, чтобы определить будущее Кьертани и тех, чьи судьбы неразрывно связаны с её судьбой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Яна Летт, 2026
© Саша Савояр, иллюстрации, 2026
© ООО «Вимбо», 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

ISBN 978-5-00223-702-9

ХИММЕЛЬНЫ

СОВЕТ ДЕСЯТИ

ПРЕПАРАТОРЫ

ЯСТРЕБЫ

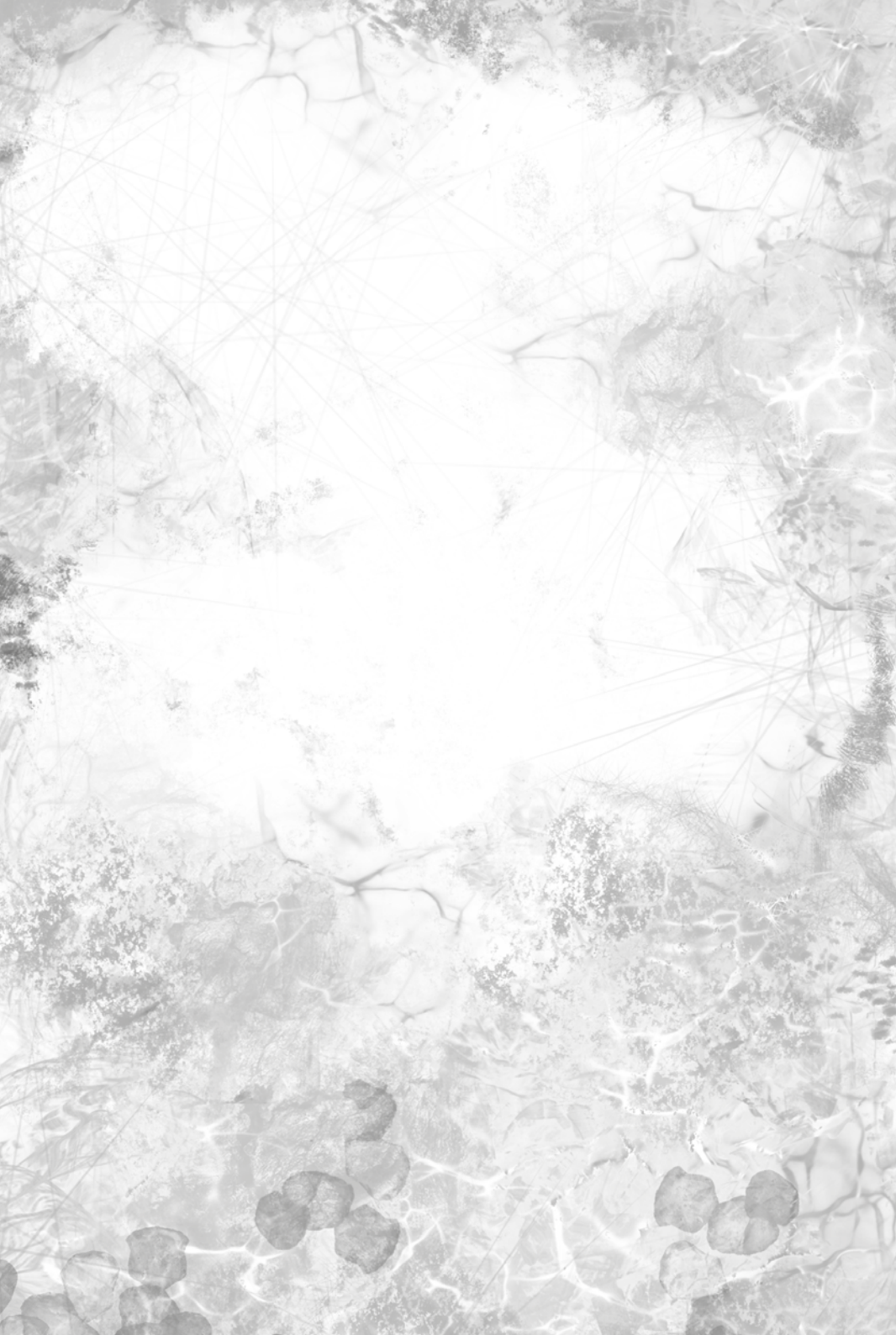
МЕХАНИКЁРЫ

ОХОТНИҚИ

КРОПАРИ

Предисловие

*(Содержание первых двух частей трилогии
«Препараторы»)*

Больше семи веков прошло с тех пор, как в Кьертанию пришла Стужа. Столкновение с холодом, поглотившим континент, не пережить человеку — только препаратору.

Служба препараторов безмерно опасна и безмерно почётна — каждый день они покидают города и выходят в Стужу для охоты на снитиров, диковинных зверей, которым ледяная аномалия стала домом. Части тел снитиров больше, чем просто добыча, — на них стоит экономика Кьертании. Механизмы и уличное освещение, лекарства и протезы, климатический контроль, делающий города пригодными для жизни, и многое другое производится из частей тел снитиров. Их глаза освещают тьму вместо фар, сердца бьются в поездах как двигатели, жир пылает в фонарях, а плоть согревает дома. Препараты, эликсиры и артефакты, сделанные из них, стали ещё и предметом экспорта, упрочившим положение Кьертании на международной арене — биотехнологий, подобных кьертанским, нет нигде. Кроме того, под снегами Стужи струится дравт — ценное топливо, дающее жизнь механизмам.

Снитирьы необходимы для того, чтобы люди, обладающие особым навыком усвоения, могли стать препараторами. Ястребы и охотники вживляют части тел снитиров в собственные тела и делают инъекции эликсиров из даров Стужи ради того, чтобы охотиться; кропари лечат препараторов и людей и занимаются вживлениями, механикёры создают механизмы и обрабатывают препараты, делая их пригодными к использованию.

Для обыкновенных людей соприкосновение со Стужей или её не подвергшимися обработке дарами смертельно.

Стужа — это не просто холод. Царство вечной зимы, над которым светят незнакомые звёзды, состоит из двух измерений — слоя Мира и слоя Души. Души снитиров могут отделяться от тел, поэтому, чтобы одолеть их, препараторам приходится работать парами. Ястребы отделяют свои души от тел, чтобы отправиться на слой Души. Охотники во плоти выходят на слой Мира. С помощью вживлённых в глаза радужек ормов (ледяных драконов Стужи, самых опасных снитиров) ястребы и охотники могут общаться между собой и вести совместную охоту. Главный в паре всегда ястреб — именно он может видеть глазами своего охотника, а значит, контролировать происходящее на обоих слоях.

Каждый год в Кьертании проводится праздник Шествий, на котором у юношей и девушек проверяют степень усвоения. Прошедшие проверку отправляются в столицу, чтобы стать препараторами. Обучение и служба смертельно опасны; препараторы страдают от болезней, травм, зависимостей, бесплодия. Несмотря на всё это, многие продолжают службу и по истечении положенных семи лет — кто-то в погоне за большими привилегиями, кто-то из чувства долга, кто-то из азарта, а кто-то просто потому, что больше не представляет жизни без постоянной опасности.

Препараторы — элита кьертанского общества. За примерную службу им позволено многое, помимо щедрого вознаграждения, — например, перевезти родных в столицу. В Кьертании, где каждый привязан к месту, в котором родился, и не имеет права покидать его без особых оснований, это драгоценная возможность для многих. Ведь чем дальше от блистательного Химмельборга, где среди столичных удовольствий и роскоши живут и правители Кьертании, пресветлые Химмельны, тем холоднее, опаснее и беднее жизнь.

На окраине Кьертании, в крошечном Ильморе, жили трое друзей — амбициозная и упорная Иде по прозвищу Сорта, весёлый и мечтательный Унелъм и не по годам одарённый Гасси. Сорта мечтала стать препараторм, прославленным ястребом, чтобы увезти в столицу, далеко от нищеты и пьющего отца, мать и четырёх младших сестрёнок, Унелъм — увидеть земли, лежащие далеко за пределами Кьертании. Гасси был гениальным ребёнком, которого ждало блестящее будущее. Сорта больше всего на свете любила тавлы (сложная стратегическая игра) и решение задач, Унелъм — фокусы и приключенческие романы, а Гасси — изобретать новое. Эти трое были неразлучны, пока не случилась трагедия.

Мечтая придумать способ искусственно повышать усвоение, а значит, делать из любых людей препаратормов, Гасси при поддержке друзей, свято веривших в его интеллект, провёл эксперимент с использованием похищенных препаратормов, который привел к его гибели. Это навсегда разделило Унелъма и Сорту, терзавшуюся виной и считавшую их косвенно виновными в гибели друга.

Годы спустя повзрослевшие Сорта и Унелъм демонстрируют способности к усвоению на празднике Шествий. Они и ещё одна уроженка Ильмора, Миссе, отправляются в столицу.

Уровень усвоения Унелъма низок — выходы в Стужу ему не грозят, а вот Сорта демонстрирует высокие результаты. И всё же не такие высокие, как у Миссе — робкой и нежной девушки, совершенно не приспособленной к жизни препаратормов и пребывающей в ужасе от уготованной ей участи.

В столице Сорта делает всё, чтобы доказать: несмотря на недостаточный уровень усвоения, она способна стать ястребом. К внимательной и упорной девушке присматривается Эрик Стром, один из Совета Десяти, легендарный ястреб, недавно потерявший в Стуже свою охотницу. В ходе интриг ему навязывают в напарники именно новичка, и, поколебавшись, Сорта принимает его предложение, отказываясь от честолюбивой

мечты ради реального успеха в роли охотницы Строма, одного из самых сильных и удачливых препараторов.

Постепенно пара Иде и Строма становится одной из самых эффективных. Дни проходят в бесконечных тренировках и охотах, а вечерами Сорта пытается расшифровать дневники Гасси, в которых он писал о странных снах со знаками Стужи, о таинственной логике движения дравтовых жил, о намёках на расположение легендарного Сердца Стужи, нашедший которое получит власть над вечным холодом.

Сорта пока не знает, что Эрик посвятил свою жизнь поискам Сердца Стужи. Рожденный в обход всех правил и законов двумя препараторами, он, как и Гасси, с детства мучим странными видениями и снами. После появления на свет родители скрывали его, но в конце концов ребенка обнаружили люди Химмельнов. Юного Эрика с колоссальным уровнем усвоения и его мать изучали в лабораториях, пытаясь найти способ повторить успех — ведь большинство женщин-препараторов не в состоянии выносить здорового ребенка. Не выдержав жестоких экспериментов, мать Строма свела счёты с жизнью; его отец погиб в Стуже чуть позднее. Сам Эрик необыкновенно рано становится препаратором по совету друга отца, Барта, — пока он на службе, Химмельнам до него не дотянуться.

Теряя на охотах друзей, Стром растит в сердце месть Химмельнам и жестокой системе, а также самой Стуже, которую он и любит, и ненавидит.

Он старается не слишком сближаться с Сортой, боясь повторения трагедии с её предшественницей. Это сложно — ведь для успеха охот ястребу и охотнику приходится буквально сливать сознания воедино.

Иде пытается заслужить уважение и доверие наставника, слушаясь его не только в Стуже, но и за её пределами — налаживая необходимые связи при дворе и почти полностью отказываясь от личной жизни в пользу бесконечных тренировок и охот.

Однажды она находит подтверждение тому, что Эрик связан с контрабандой — вместе с другими членами тайного общества препараторов он хранит дары Стужи, украденные у Химмельнов, а также всё необходимое для устройства мира после Стужи, явно привезённое из-за границы, — кабели, семена, самолёты.

Её ранит, что Эрик всё ещё не до конца откровенен с ней, хотя они каждый день вместе рискуют жизнью в Стуже. Несмотря на это — и возможные выгоды предательства, — она не выдаёт Эрика сыщикам, пришедшим за ним.

Прежде не доверявший никому, в финале первого романа, «Зов ястреба», Эрик во многом открывается Сорте, с которой они сблизились после трагедии: эпидемия унесла жизнь матери Иде и двух её маленьких сестёр. Это вместе с опытом службы меняет Иде: отныне она думает не только о благополучии своей семьи, но и об изменениях во имя общего блага. Она делится с Эриком драгоценным содержимым дневника Гасси — возможными координатами Сердца Стужи. Стром помогает ей перевезти в столицу двух оставшихся сестрёнок.

Иначе складываются судьбы двух других рекрутов из Ильмора.

Унельм, фантазёр и фокусник, мечтает стать паритером и летать в далёкие страны, но служить на воздушные суда берут только отпрысков богатых семей. Ульму светит судьба рядового механика — фабричного рабочего или инженера, — но его замечает Олке, детектив, расследующий преступления, связанные с препараторами. Унельм становится его напарником, участвует в разоблачении сети контрабандистов, в обход владельцев отправляющих дары Стужи за границу, и приходит к выводу, что с ними как-то связан Эрик Стром.

Случайно оказавшись на балу в дворцовом парке, Унельм знакомится с Омилией, юной наследницей дома Химмельнов.

Омилия, с рождения живущая в атмосфере дворцовых интриг, одинока. Она привыкла быть разменной монетой

в бесконечных войнах между матерью и отцом. Её властная мать, владелица Корадела, благоволит служителям храма Мира и Души и мечтает о ещё большей закрытости от внешнего мира. Отчуждённый отец, напротив, жаждет обмениваться ресурсами и знаниями с иными землями. Напряжение между ним и женой, всё больше подпадающей под влияние таинственного Магнуса, подозрительно осведомлённого обо всём, что происходит в Кьертании, растёт.

Самой Омилии до поры до времени всё это безразлично: она мечтает о свободе от дворцовых правил и условностей.

Единственный, кого она любит всем сердцем, — её старший единокровный брат Биркер. Биркер с детства передвигается в кресле — редкая аллергия на дары Стужи делает для него невозможной установку биопротезов, которыми так славится Кьертания. Здоровая и смышлёная Омилия становится официальной наследницей трона, и Биркер, несмотря на любовь к сестре, не может с этим смириться.

И брат, и сестра любят загадки: оба подозревают о существовании таинственных «теней за тронном», давно вмешивающихся в управление Кьертанией. Кроме того, Омилия случайно становится свидетельницей таинственного происшествия: динна Адела Ассели, чудачка, борющаяся за права препараторов, но встречающая в основном насмешки даже от них самих, после беседы с неизвестным воздыхателем будто в воздухе растворяется прямо посреди дворцового парка.

Встреча с Ульмом, как будто воплощающим свободу выбирать свою дорогу, переворачивает мир Омилии, ограниченный дворцом.

Унельм, ещё не зная, кто перед ним, уже покорён наследницей — легкомысленный и весёлый, он впервые чувствует, что влюблён всерьёз.

Миссе, робкая и нежная, становится ястребом, но явно не справляется с этой ролью. Пока рейтинг Сорты, охотящейся со Стромом, растёт, Миссе проваливает одно задание

за другим, подвергая опасности жизнь своего охотника, Рорри, тайно влюблённого в неё.

Миссе прячется от жестокой действительности в объятиях молодого благородного динна Лери, который соблазняет её и обещает с помощью родительских денег купить ей освобождение от службы. Однако, когда Миссе беременеет, Лери исчезает, оставляя её без поддержки. Беременность для препараторов под запретом, а Миссе скрывает случившееся слишком долго — её изменённое Стужей и кропарями тело не выдерживает, и она погибает.

Это становится дополнительным ударом для Эрика Строма, принимавшего участие в её судьбе, и Сорты, чувствующей вину за случившееся. Трагедия ещё больше сближает их.

В финале «Зова ястреба» Химмельборг потрясён страшной новостью: зверски убит молодой динн Лери и преступник, судя по всему, препаратор.

Унельм, воодушевлённый тайной встречей с Омелией, отвергает подвернувшуюся возможность покинуть Кьертанию и отправиться в далекие края навстречу приключениям. Он полон решимости поймать убийцу и заслужить положение при дворе, чтобы приблизиться к юной наследнице.

Во втором романе трилогии, «Сердце Стужи», Сорта и Стром всё сильнее сближаются. Пытаясь следовать указаниям дневника Гасси, они осознают, что координаты «сбились», так как дравтовые линии, с которыми они связаны, меняют направление с годами. В поисках архивов движений дравта Сорта оказывается в загородной усадьбе ухаживающего за ней Рамрика Ассели и сталкивается с его таинственной женой Аделой, которая явно скрывает немало секретов.

Кроме того, Сорте помогает госпожа Анна — одна из Совета Десяти, причастная к замыслам Строма, но явно ведущая и свою игру.

Тем временем в столице продолжают убийства молодых диннов. Маньяк неуловим и жесток; в убийствах он использует дары Стужи, и теперь сомнений нет — он один из препаратов. Унелм становится одержим расследованием. Он узнаёт, что Лери был отцом неродившегося ребенка погибшей Миссе, и подозревает, что её смерть может быть связана с убийствами.

Улики приводят его то к певице Томмали, то к влюблённому в неё коменданту общежития Кьерки, то к Эрику Строму и другим препаратам, возможно связанным с чёрным рынком. Унелм всё глубже погружается в мир Нижнего города, в котором правит преступник Белый Верран, а люди скептически отзываются обо всех Химмельнах — кроме, разве что, Белого Мотылька: так в народе прозвали брата Омилии, Биркера.

Неожиданно свою помощь в расследовании предлагает Магнус — он даже убивает человека, напавшего на Ульма в Нижнем городе. Человек этот умирает странной смертью, и Унелм всё меньше доверяет Магнусу — и всё же следует его подсказкам, которые приводят на место очередного преступления. Там он застаёт Эрика Строма, которого вынужден арестовать по подозрению в убийстве.

Эрик арестован и заключен в крепость. Опасаясь расправы без суда, его учитель Барт и Сорта решаются на отчаянный шаг и поднимают препаратов, среди которых и без того нарастало недовольство системой, на забастовку. Жители города возмущены и напуганы возможной потерей препаратов. В городе начинаются беспорядки.

Тем временем в крепость к Строму является Магнус. Он требует, чтобы Эрик перестал искать Сердце Стужи самостоятельно, намекая, что вместе они могут добиться много большего. Угрозами он пытается добиться повиновения, а в благодарность за сотрудничество обещает Эрику брак с Омилией и трон. Подозревая, что Магнус связан с лабораториями, погубившими его мать, Стром отказывается.

Иде ищет иные пути освободить своего ястреба и обращается за помощью к Биркеру, с которым познакомилась на одном из балов в дворцовом парке. Тот предлагает сыграть партию в тавлы на судьбу Строма. Выиграв, Сорта понимает, что он поддался ей — уставшая и напуганная, она допустила глупую ошибку.

Она не знает, что, обещая помочь, Биркер приписывает себе чужую заслугу: он посвящён в план сестры, которая собирается выгадать Строма по-своему. Предоставляя Строму алиби, Омилия портит свою репутацию, избавляется от нежеланной помолвки и бросает открытый вызов матери, до сих пор убеждённой, что дочь подчиняется ей во всём.

Эрик освобождён, но исключён из Совета Десяти.

Они с Сортой становятся любовниками.

Унельм продолжает расследование, не желая стать причиной несчастья невиновного, и выясняет, что убийцей был Рорри, сломленный смертью Миссе и, вероятно, сошедший с ума. За мгновение до задержания он также погибает странной смертью, и Унельм подозревает вмешательство Магнуса.

Вместе со своим наставником Унельм окончательно убеждается в том, что за Магнусом стоит могучая и страшная сила, вероятно угрожающая и Химмельнам, и всей Кьертании. Чтобы защитить ученика, Олке берёт на себя вину за ошибку, а все почести за успешное завершение расследования достаются Унельму. Теперь ему открыт доступ во дворец.

Омилия восстанавливает отношения с отцом. Владелец приглашает её в новую поездку за границу, откуда он надеется вернуться с новыми технологиями, и разрешает взять с собой свиту, в состав которой позволяет включить и Унельма.

Сорта и Эрик отправляются в Стужу по новым координатам. Справившись с её испытаниями, они добираются до Сердца Стужи, которое оказывается огромным, вплавленным в континент, пронизанным драгтовыми жилами.

Его невозможно унести с собой. Вместе с дравтом сквозь него проходят потоки информации; на мгновение подключившись к ним, Стром едва не погибает. Он ощущает следы присутствия в Стуже древних существ, одним из которых, вероятно, является Магнус.

В Стуже Сорта видит символ, обозначающий в языке ош, придуманном Гасси, её собственное имя, и понимает, что её судьба, как и судьба Строма, связана с Сердцем.

Главные герои стоят на пороге больших перемен и в Стуже, и в Кьертании, и за её пределами.

*Зов Стужи всегда был
ещё и голосом Кьертании*

Унелъм. Подготовка

Пятый месяц 725 г. от начала Стужи

Прежде Унелъм и не подозревал, что способен просадить так много денег за столь короткий срок.

Но вот костюмы, чтобы посещать дворцовые инструктажи перед поездкой, и новые ботинки, и сапоги, и полдюжины белоснежных рубашек, и дюжина платков — а ещё подозрительно тусклые, но солидного вида часы на цепочке с выгравированной на крышке буквой «Г». Унелъм раздобыл их на развале, но надеялся, что они, если не приглядываться, сойдут за семейную реликвию. Три новые колоды и шёлковые платки для фокусов, книги — «Авденалийские вестницы» и «Первые войны за Алуя пустыню» — в дорогу... Впрочем, он надеялся, что читать будет недосуг.

Отдельное разорение — одежда в путешествие. Что, если в Вуан-Фо окажется жарко или холодно? Если придётся долго ходить под секущим ливнем или в песчаную бурю? И ведь оставались ещё званые ужины и приёмы, на которых ему, быть может, посчастливится побывать в составе свиты Химмельнов. Теперь, когда он стал частым гостем в дворцовом парке — увы, только дважды за всё это время ему посчастливилось увидеть Омилию, — он особенно остро ощущал своё несоответствие её сверкающему, богатому, беспечному миру. Унелъм знал, что никогда не станет его частью, говорил себе, что Мил этого и не требует — и всё же...

Как всегда, он тщетно пытался сдерживать бурлящий поток мечтаний и, как всегда, быстро сдавался ему на волю, представляя, как танцует с Омилией посреди блистающей

позолотой залы. Его рука — на её тонкой талии, её озёрные глаза с тихим восторгом сияют ему навстречу. В новом кофейно-коричневом пиджаке из тончайшей выделанной кожи ревки он выглядит достойной парой наследнице Кьертании, облачённой в церемониальное платье с тёмно-синим подолом, усеянным серебряными звёздами...

Ужасно будет, если пиджак окажется вовсе не так хорош, как ему сейчас кажется. Куплен за сто пятьдесят химмов в одном из модных магазинов Сердца города. У Ульма перед глазами всё поплыло, когда продавец, не слишком старательно скрывавший пренебрежение, назвал цену, но он не подал виду. Глупо — но дело было уже не в пиджаке. Унельм бы скорее умер на месте, чем развернулся и ушёл под презрительным взглядом продавца.

Денег, полученных в награду за раскрытие дела о загадочных убийствах, и так оставалось немного после того, как он отдал долг Сверчка и устроил его в хороший пансион в Верхнем городе, а теперь остатки таяли на глазах. Унельм радовался, что сразу отправил денег родителям. Хватит и на новую мебель, о которой мечтала мать, и на починку крыши — под тяжестью снега и наледи покосился козырек, — и на припасы до конца года. И всё равно стоило перестать транжирить — ему не хотелось, чтобы в Химмельборге родителям пришлось тратиться.

Унельм отслужил достаточно и показал себя хорошо — прошение, поданное через Совет Десяти, удовлетворили, и родители, которых он не видел больше года, должны были приехать в Химмельборг на десять дней, повидать его перед отбытием из Кьертании.

Он старался не думать о том, что не видать бы ему ни поездки, ни родителей, если бы не Омилия, выручившая Строма, которого он едва не отправил на казнь, если бы не Олке, который прикрыл его, если бы не удача...

О зловещем Магнусе и о Рорри, нашедшем странную смерть в петле среди гнилых объедков и пыли, Унельм

старался не думать тоже. В конце концов, хлопот и без того хватало.

Встреча с родителями, предстоящая поездка, работа, которой безо всякого снисхождения заваливал его Олке... И Омилия — одни её письма, вновь полетевшие вереницей парителей через Веделу, доводили Ульма до неистовства и лишали сна...

Он носился между дворцом и отделом, архивом и пансионом, магазинами и кабаками, собственной берлогой и снятой специально к приезду семьи квартирой. Кто знает, когда им с родителями доведётся увидеться ещё? Унельм вспоминал о письмах матери и о том, как дрожали руки отца, провожавшего сына на поезд в Ильморе, и чувствовал, как сердце переполняется любовью к ним.

Билеты в Зверосад и экскурсия по Храмовому кварталу, концерт в Шагающих садах — он отхватил последние билеты только благодаря Мем, — ужин в «Выше неба»... Сам он никогда бы туда не пошёл — вид на город с любой площадки Парящего порта ничуть не хуже, а цены куда разумнее, — но он представлял себе, как счастлива будет мама побывать в таком роскошном месте, и корил себя за потраченное на очередную необходимую в путешествии вещь, а на следующий день опять в отчаянии останавливался у очередной витрины...

Конечно, были ещё деньги, которые ему собирались выплатить за поездку в Вуан-Фо, — они и в самом деле считали, что должны заплатить за это, — но их Ульм твёрдо решил не касаться, даже если очень захочется.

У него ошутимо тряслись руки, когда за пару дней до приезда родителей Вэл ухватил его за рукав у дверей архива.

— Что такое? Я, знаешь, спешу...

Вэл загадочно опустил взгляд и отчаянно покраснел. Сердце Унельма упало — за последние недели он научился безошибочно распознавать новые хлопоты.

— Если хочешь, чтобы я подменил тебя или вроде того...

— Я хочу пригласить тебя на свадьбу! — выпалил Вэл и громко выдохнул с явным облегчением.

— На свадьбу, — повторил Унельм озадаченно. — Знаешь, Вэл, это, конечно, очень мило с твоей стороны, но на свадьбы вроде как с девчонками ходят. Ты бы поискал кого...

— Так ведь... Это не меня пригласили... в смысле... это не я, то есть я... Это я собираюсь жениться!

— Жениться? Ты? — Унельм вытаращил глаза. Вэл, вечно робеющий перед любой девушкой, потеющий, краснеющий и заикающийся всякий раз, когда в кабаке к ним с Ульмом проявляли интерес, — и вдруг женится?

— Ну да... — Теперь, видимо справившись с самым сложным, Вэл успокоился и тихо засиял — никогда прежде Унельм не видел у него такой довольной улыбки.

— Что ж, поздравляю. А на ком?

— В смысле — на ком? — Кажется, Вэла его вопрос возмутил. — На Лиде, конечно.

— Лиде... — пробормотал Унельм. — Что-то знакомое... Она из наших? Препаратор?

— Да нет же. Ты что, не помнишь? Гарт, ведь если бы не ты, я бы с ней не познакомился. Ни за что бы не решился! Помнишь тот вечер в «Весёлом орме»...

— Постой. — Унельм нахмурился. — Та Лиде? Там было две девчонки... Светленькая? — Тогда он ушёл из кабака рано, страдая из-за ссоры с Омилией, и бросил Вэла на произвол судьбы.

— Да, — прошептал Вэл, благоговейно складывая ладони, будто в храме Мира. — У неё золотые волосы и глаза, как... как небо летом! И такая стройная и высокая, и...

Унельм озадаченно промолчал. Ему Лиде запомнилась как пухленькая девица с довольно непримечательной, пусть и миловидной внешностью. Но может, он перепутал её с той, другой?

Вэл всё продолжал восхвалять невесту — теперь перешёл на то, какой она оказалась здравомыслящей и разумной,

весёлой и доброй, нежной и трудолюбивой. Ульм призадумался: неужели, когда он думает об Омии, у него становится вот такой же стеклянный взгляд? Точь-в-точь как у одной из скульптур покойного Горре.

— ...А потом она сказала, не нужно ничего пышного, ведь нам надо деньги копить: когда я закончу срок, она с завода уйдёт, и мы, если выйдет, — теперь лицо Вэла прямо-таки пылало, — детишек заведём. Жить нам будет где — она из Южного предела родом. Знаешь, где замершая дравтовая вышка? Так вот, там у её деда остался...

Унелм хотел было спросить, сколько Вэл знаком со своей красавицей и были ли вообще в его жизни другие девчонки, но передумал.

В конце концов, кто сказал, что благоразумие — залог прекрасного будущего? Пока что сам он раз за разом убеждался в обратном. Только и делал, что совершал опрометчивые поступки, — а был совершенно счастлив.

— Поздравляю, — повторил он, на этот раз от всей души. — Рад был подействовать, хотя солгу, если скажу, что рассчитывал на такой результат...

— Как и я. — Вэл кивнул, таращась в пространство радостно и немного безумно. — Но когда ты её узнаешь, ты поймёшь. Ты ведь будешь сидеть за нашим столом, правда? И свою девушку приводи...

Унелм представил, как является на свадьбу Вэла в сопровождении пресветлой наследницы Кьертании, и хмыкнул.

— Место называется «Крудли», очень даже хорошее, знаешь его? Ближе к Нижнему городу, но очень приличное.

— «Крудли»? Это что, булочная?

— Вовсе нет, — пробормотал Вэл, — кофейня. Но хозяин разрешил нам принести выпивку с собой, так что всё будет в лучшем виде. Нам бы только лишнюю пару рук, помочь всё подготовить...

— Понятно, — обречённо отозвался Ульм. — А когда это?

— Через четыре дня.

— Через четыре?.. Нет, я точно не смогу. Ко мне же родители приезжают.

Вэл приуныл, но тут же воспрял духом:

— Так и их бери! Мои приехать не смогут, но родители Лиде будут. Им наверняка будет о чём поболтать. Утощение будет на славу, дядя Лиде — мясник, а его жена печёт торты для благородных диннов.

Унелъм заколебался. Даже если получится втиснуть всё это в насыщенную программу, которую он готовил для родителей, понравится ли им это? В Ильморе они обожали шумные сборища. Но здесь, среди незнакомцев...

— Им понравится, Гарт! — угадал его мысли Вэл. — Сам подумай. Я ведь и Олке, и Мем позвал. Мать с отцом тебя год не видели, не знают, как ты живёшь, а тут и отдел им покажешь, и друзей, и девушку. Увидят, что тебя все любят, — представляешь, как обрадуются?

— А твоя Лиде, видимо, коварна! А то что-то на тебя это непохоже.

Вэл довольно улыбнулся:

— Так придёшь, Гарт?

— Подумаю. Но вряд ли смогу такое пропустить.

— А кто бы смог? — Олке появился из темноты архива, и Унелъм подавил тяжёлый вздох: план ускользнуть пораньше рухнул. — Теперь ступай, Орте. Готовься к великому событию. А вот ты, Гарт, задержись...

Ульм с опаской последовал за наставником, торопливо перебирая список дел. О чём именно он позабыл в суматохе?

— О том, чтобы вернуть кропарям результаты экспертизы по новой партии из Парящего порта. Но речь пойдёт не об этом... Сядь. Здесь нас никто не услышит.

— Какое облегчение, — пробормотал Унелъм. — Только, пожалуйста, не говорите, что у вас есть для меня особенно важное и секретное задание! Серьёзно, я этого не вынесу. Я улетаю через три недели, родители вот-вот приедут, а ещё меня только что пригласили на свадьбу.

— Как и меня. И хотя приятного в этом мало, я, заметь, не заламываю руки. А ты как думал, Гарт? Мы тут все служим истине — а значит, должны выручать друг друга. Думаешь, Орте не трясётся, как оконное стекло в буран? Он, конечно, сам виноват, что ввязался в это, ещё и до окончания службы, но придётся его поддержать. Кто знает — может, однажды он сделает для тебя то же самое.

— С нашей работой вряд ли я доживу до своей свадьбы. Олке не улыбнулся.

— Я уж постараюсь, чтобы дожил. Зачем, по-твоему, я отправил тебя заниматься делом о хранилищах на прошлой неделе, хотя отлично знал, что у тебя нет ни малейшего шанса?

— Ну... чтобы опозорить?

— Чтобы ты учился, Гарт. Всё это время я делаю всё, чтобы ты учился, и быстро. Ты показал себя хорошо — а однажды покажешь ещё лучше. Меньше всего мне нужно, чтобы по собственной глупости ты раньше времени выбыл из игры. Взгляни на меня: у старых ормов нюх острее. Но до старости надо дожить.

— Я ведь пошутил вообще-то. Я не...

— Зато я не шучу, Гарт. — Олке тяжело вздохнул. — Откладывать больше некуда. Речь о твоём отъезде...

Сердце Унельма упало.

— Я поеду. Я...

— Я не запретил бы тебе, даже если бы мог. — Олке сделал особый акцент на этих последних словах, и Ульму полегчало. — Тому есть причины, но прежде... Во что ты ввязался, Гарт? Я знал, что ты бываешь беспечен и импульсивен, что слишком легко поддаёшься порывам, полагаешься на удачу... Всё это — недостатки молодости. Когда они уйдут, при тебе останутся расчётливость, умение играть людьми, наблюдательность, острый ум.

— Вы меня захвалили. «Расчётливость»? «Играть людьми»? — Унельм хмыкнул. — По-моему, это не про меня.

— Конечно, иногда ты ошибаешься. Ошибки — дело юности. И одна из частых ошибок — взвалить на себя ношу не по силам...

— Так и думал, что вы узнаете про Сверчка, — буркнул Унельм. — Это моя частная жизнь вообще-то.

— Дерзи сколько влезет, Гарт. Но придётся тебе выслушать неприятную правду, потому что я всё ещё твой наставник. И глава отдела — так что, будь добр, до поры до времени закрой-ка рот и дослушай до конца. Дважды повторять не стану.

Олке, как всегда, говорил спокойно, негромко, но по спине у Ульма пробежал холодок — совсем как в первые дни обучения в Коробке.

— Влезаешь в опасные игры, Гарт, — и берёшь на себя ребёнка. Ты подумал о том, что будет с мальчиком, если удача от тебя отвернётся? Если нечем станет платить за его пансион? Как думаешь, каково ему будет вернуться туда, откуда ты его взял, после Сердца города?

Унельм молчал, но, видимо, взгляд его был красноречив, и Олке заговорил мягче:

— Мои слова задели тебя, так? Ты привык считать себя простым добрым малым. Может, ты и добр. Но бездумная доброта очень опасна, Гарт. Что до простоты — ты не привлёк бы внимание пресветлой, если бы не...

— О чём это вы? — Унельм разом забыл о приказе молчать, об осторожности — нужно сбить Олке со следа, отвлечь, чтобы он...

— Не трудись. У меня были догадки ещё до того, как она явилась в нашу пыльную обитель. Но после того, как явилась, — и после того, как я увидел щенячьи взгляды, которыми вы одаривали друг друга, — сомнений не осталось.

Унельм молчал, судорожно перебегая взглядом с одной пожелтевшей папки на другую. Он чувствовал себя снитиром, выхваченным из уютного мрака Стужи безжалостным ястребиным взором.

Как лучше поступить? Отрицать? Возмутиться? Рассмеяться?

— Ты в моём отделе — но рассказываешь мне только половину истины... А половина истины так же полезна, как половина препарата. В кои-то веки молчишь? А ведь теперь не плохо бы и объясниться.

— Это моё... — тихо сказал Унельм. — Моё личное. Я не обязан...

Олке поморщился:

— Мне нет дела до твоих «личных» дел, Гарт. Но это имеет прямое отношение к нашему общему. Ты рассказал об этом Магнусе. Я пошёл на сделку с совестью, чтобы защитить тебя от него. Взял на себя твою оплошность. А ты решил умолчать о маленькой немаловажной детали, потому что это твоё «личное»?

Ульм молчал, и Олке покачал головой:

— Мальчишка. Ты подвергаешь себя опасности — и нас заодно. Ради чего? Мы все служим Химмельнам, но Химмельны — люди. Она — просто девочка, Гарт, ещё более юная — а значит, ещё более безрассудная, — чем ты сам. И она, в отличие от тебя, ничем не рискует. А вот для тебя всё это добром не кончится.

— Я всё равно поеду, и...

— Разумеется, поедешь, — жёстко произнёс Олке. — Теперь у тебя нет иного выхода. Но, Гарт, начни, в конце концов, соображать. Я знаю: когда ты хочешь, у тебя это неплохо получается. Найди способ не обидеть её — и прекратить всё это. Счёты у одной из Химмельнов по отношению к кому-то из отдела — последнее, что нам нужно. Однажды она окажется на верхнем троне — а ты, если не сложишь голову раньше времени, займёшь моё место.

— Я... я не знаю, что...

— Значит, обойдёмся без твоих комментариев. И, Гарт... этот Магнус. Не думай, что о нём можно просто забыть. Я провёл небольшое расследование. И мне не понравилось то, что я нашёл.

— И что вы нашли? — По крайней мере, Олке перестал говорить об Омилии и его будущем.

— Ничего. Именно это мне и не понравилось. Я поднял все архивы, все свои контакты, Гарт, и... ничего. Он будто явился из ниоткуда.

— Но ведь это...

— ...Всё так, невозможно. Поэтому я продолжил искать. — Олке выдвинул один из ящиков ближайшего шкафа, протянул Унельму папку. — Посмотри.

— Не понимаю, — отозвался Ульм растерянно, изучив содержимое папки. — Какое отношение все эти люди имеют к Магнусу?

— Самое прямое, полагаю. Все эти люди и есть Магнус.

— Что? — Впервые Унельм подумал, что наставник мог тронуться умом от переутомления. — Они же жили в разное время, господин Олке. Вот смотрите: «Горке Мастерсон умер в...»

— В 667 году, я помню. А в 668-м родился на свет господин Ланте. И сразу — сорокалетним. До того — никакой информации, никаких связей, ничего...

— Тут сказано, что его родители всю жизнь прожили в Рурморе.

— Но в Рурморе мне не удалось обнаружить их могил. Один мой старинный друг живёт неподалёку от местного кладбища. Он не поленился проверить мою догадку. То же самое — с остальными людьми... или, вернее сказать, личинами. Все они просто появлялись в столице и молниеносно начинали уверенное движение вверх. Он хорошо прятал концы. Да и кто бы мог заподозрить что-то подобное? Но от человека, который оказался способен управлять чужой волей... от того, кто был причиной этих «неправильных» смертей... чего угодно можно ожидать. Поэтому я копал и в самых странных направлениях.

— Но ведь это...

— Невероятно? О да. Может ли это быть ошибкой, фантазией? Возможно. Но пока я думаю, что взял верный след.

Более того, Гарт, твой господин Магнус, очень вероятно, не единственный. Если я прав, если всё это время поблизости к Химмельнам держатся такие могущественные существа... кем бы там они ни были... Они не выпустят тебя из виду так просто... Как не выпустят из виду Химмельнов, покидающих, пусть на время, страну. Кто знает, может, эти... создания тоже явились из-за границы, из земель, живущих магией? Пока что я не берусь заходить так далеко, но... — Глаза Олке сияли. Как всегда, делаясь своими озарениями, он, казалось, забывал обо всём на свете.

— Думаете, кто-то из них будет в свите?

— Не знаю. Но даже если нет, их осведомитель будет; это ясно как день. Мы не знаем, кто они, чего хотят, но если мои догадки верны, Гарт... это дело первостепенной важности. Мы должны любой ценой выяснить, кто они и чем угрожают династии. Это ещё одна причина, по которой ты должен ехать.

Олке вытащил из кармана сложенную вчетверо бумажку:

— Прочитай, заучи и уничтожь. Это адреса, по которым со мной можно связаться. Не пиши на один и тот же дважды. Так нашу переписку труднее будет перехватить. Ниже — шифры. Используй в случайном порядке. Рассказывай мне обо всём.

— Прямо обо всём?

— Обо всём, что покажется важным или подозрительным. Безопасность Химмельнов — это твоя работа. Личные драмы и заметки путешественника можешь оставить при себе.

— Я думал, телохранители и стража...

— Сейчас речь не об этом. Те, на чей след мы вышли, ведут свою большую игру. А любая большая игра состоит из множества других игр, поменьше. Они не упустят случая — любые контакты в иных странах ценны. Наблюдай, но не лезь на рожон. Твоя главная задача — собирать частицы мозаики. А складывать их вместе буду я. Всё ясно?

Унельм помедлил: ему и хотелось, и не хотелось вернуться к разговору о будущем, его роли в отделе, Омилии. Конечно, Ульм подозревал, что Олке прочит его на своё место. Он также понимал, что о такой будущности можно только мечтать. Должность — почётная и ответственная. Полевая работа, доступ ко всем архивам и сетям осведомителей, сотрудничество с Охраной... Олке мог бы быть своим человеком в свете, как и высочайшие охранители, — если бы только это было ему интересно.

И он явно намекал на то, что дружба с Химмельнами — ровная, доверительная — могла бы в будущем расширить полномочия «пятого круга», сделать его более значительным и влиятельным.

Вот ещё одна маленькая партия, которую он должен был исполнить в игре Олке. Излишне близкие отношения с наследницей делали положение отдела слишком шатким. Слишком непредсказуемым.

Его наставник всегда мечтал о будущем расширении отдела, о том, чтобы отдельные группки, разбросанные по городам Кьертании, разрослись в единую, согласно работающую сеть... Неужели он полагал: в будущем ученик сделает то, что не удалось ему самому?

Господину Олке — слишком неуступчивому, необаятельному для всех, кто не давал себе труда узнать его ближе.

Возможно.

Унельму не хотелось связывать себя обещанием. С другой стороны, Олке о нём и не просил.

— Да. Мне всё ясно.

— Вот и хорошо. Можешь идти.

— А вы не пойдёте?

— Нет. Ещё поработаю.

Уже в дверях Унельм бросил ещё один взгляд на наставника. В тусклом свете архивных ламп Олке, который всегда казался ему негнибачимым и неутомимым, выглядел погасшим, и Ульм вдруг ощутил что-то новое — острую смесь